

III. Переходныя формы от торговаго к промышленному капиталу.

1. Производство абсолютной относительной прибавочной стоимости.—Развитіе техники.—Географическое раздѣленіе труда.—Развитіе путей сообщенія.—Первоначальныя формы мануфактурнаго раздѣленія труда.

В предыдущем, говоря о возникновеніи капиталистической торговли, мы исходили из того уровня производительности, котораго общественный труд достиг в земледѣліи в эпоху феодальной системы хозяйства, а в промышленности в эпоху ремесла. Если бы производительность общественного труда оставалась неизмѣнной во всю разсмотрѣнную эпоху, то рост торгово-капиталистической эксплуатаціи знаменовал бы простое увеличеніе той массы прибавочнаго продукта, которую на данном техническом базисѣ удавалось получать от юридически-зависимаго деревенскаго населенія и от ремесленников. Перед нами было бы то явленіе, которое Маркс назвал производством абсолютной прибавочной стоимости: чисто механическое увеличеніе того времени, которое уходит на производство прибавочнаго продукта. Это может быть достигнуто двумя способами. Первый, наиболѣе типичный,—увеличеніе общаго годового продукта посредством простого увеличенія годового рабочаго времени крестьянской или ремесленной семьи. Оно достигается: 1) удлиненіем средней продолжительности рабочаго дня главнаго работника и 2) привлеченіем к производству таких членов семьи—женщин и дѣтей,—которые раньше участвовали в нем сравнительно мало. Примѣненіе этого способа, достигнув извѣстной границы, соединяется со вторым способом увеличенія той массы прибавочнаго продукта, которую должно доставлять населеніе, находящееся в экономической или, кромѣ того, и в юридической зависимости: опять-таки чисто механически сокращается то годовое количество продуктов, которое остается в распоряженіи семьи, урѣзывается то рабочее время, которым располагает собственное потребительное хозяйство крестьянина или ремесленника,—понижается общій уровень жизни этих групп населенія. Такой метод увеличенія прибавочной стоимости сыграл не малую роль в эпоху разложенія феодальной системы хозяйства в деревнѣ и ремесленной—в городѣ, т.-е. в тѣ эпохи, на которыя приходится развитіе торговаго капитала. Всѣ данныя, относящіяся к этим эпохам, единогласно свидѣтельствуют о том, что к ремесленникам и крестьянам примѣнялся не только первый, но и второй метод: не только увеличивалась масса труда, которую крестьянская и

ремесленная семья должна была затрачивать в течение года, но и жизнь каждой семьи становилась болѣе однообразной, скудной и, наконец, прямо бѣдной. Слѣдовательно, процесс развитія торговаго капитала, поскольку технико-производственный базис оставался неизмѣнным, за известной границей неизбежно сопровождался процессом пауперизаціи масс населенія, т.-е. их обнищаніем, абсолютным пониженіем их потребностей, приближеніем их к фізіологическому минимуму.

Однако развитіе торговаго капитала открывает возможность совершенно иных способов увеличенія прибавочной стоимости, присвоиваемой сеньером или купцом,—тѣх способов, которые Маркс объединяет под рубрикой: производство относительной прибавочной стоимости. Здѣсь то количество продуктов, которое остается в распоряженіи крестьянской или ремесленной семьи, не сокращается, но сокращается то рабочее время, которое необходимо на производство этих продуктов. Пусть, напр., средняя продолжительность рабочаго дня раньше составляла 12 часов; из которых на удовлетвореніе собственных потребностей работников затрачивалось 6 часов. Пусть теперь общая продолжительность рабочаго дня останется такая же, но из 12 часов на собственные потребности крестьянина или ремесленника будет затрачиваться всего 4 часа. Тогда прибавочное время увеличится с 6 до 8 часов, т.-е. в $1\frac{1}{3}$ раза. Это увеличеніе достигнуто за счет необходимаго рабочаго времени, за счет сокращенія его с 6 до 4 часов, но, в противоположность только что разобранным случаям, здѣсь уровень жизни крестьянской или ремесленной семьи остается такой же, как был раньше. Очевидно, этот результат получится лишь при том условіи, если развитіе торговаго капитала открывает перед крестьянином и ремесленником возможность превратить продукт 4-часоваго труда в такое же количество средств существованія, в какое раньше они превращали продукт 6-часоваго труда. И эта возможность, дѣйствительно, осуществляется в развитіи торговаго капитала, так как оно сопровождается болѣе широким и глубоким меж-территориальным, или географическим раздѣленіем общественнаго труда¹⁾.

Предположим, что хлѣб и шерсть являются представителями всѣх продуктов, необходимых для существованія мелкобуржуазнаго произво-

¹⁾ В нашем примѣрѣ непосредственный производитель превращает свой 4-часовой труд в такое же количество средств существованія, в какое раньше превращал 6-часовой труд. Если сеньер в равной мѣрѣ может использовать торгово-капиталистическое развитіе, то присвоиваемые им 8 часов прибавочнаго труда выразятся в таком количествѣ продуктов, в котором раньше выразились бы 12 часов прибавочнаго труда, т.-е. масса получаемаго им (точнѣе, вымѣниваемаго на полученный труд) прибавочнаго продукта увеличится в отношеніи 12:6, или в 2 раза.

дителя. Предположим, что крестьянин Германіи при 12-часовом днѣ, раздѣляя время поровну между хлѣбопашеством и овцеводством, производит ежегодно 100 фунтов шерсти и 150 пудов хлѣба, а крестьянин Англіи при тѣх же условіях 150 ф. шерсти и 100 п. хлѣба. Пусть для существованія самого крестьянина требуется в год 100 ф. шерсти и 100 п. хлѣба. Тогда предѣльной величиной прибавочнаго продукта будет для Германіи 50 п. хлѣба, а для Англіи—50 ф. шерсти. Так как по нашему предположенію на производство 150 п. хлѣба в Германіи и 150 ф. шерсти в Англіи уходит половина рабочаго года, то 50 п. хлѣба, как и 50 ф. шерсти, будут представлять $\frac{1}{3}$ полугода, или $\frac{1}{6}$ часть рабочаго года, или, при отнесеніи этих величин к одному рабочему дню, 2 рабочих часа из 12. Слѣдовательно, из каждых 12 часов рабочаго дня крестьянин в теченіе десяти производит на себя, а в теченіе остальных двух—на других. Отношеніе прибавочнаго рабочаго времени к необходимому рабочему времени—2:10, или 20%.

По мѣрѣ того, как обмѣн производственно объединяет Англію и Германію, крестьянин каждой страны все болѣе расширяет производство того продукта, которому наиболѣе благоприятствуют естественныя условія. Предѣл этого расширенія был бы достигнут, если бы в Англіи крестьянин стал производить только шерсть, в Германіи—только хлѣб. Тогда, при прочих равных условіях—и между прочим при полной неизмѣнности техники земледѣлія и овцеводства—англійскій крестьянин производил бы в год 300 ф. шерсти, германскій—300 п. хлѣба. Первый из них потребляет 100 ф. шерсти в натурѣ, а другіе 100 ф. обмѣнивает на равные им по стоимости 100 п. хлѣба германскаго крестьянина¹⁾. Слѣдовательно, для удовлетворенія всѣх прежних потребностей англійскаго и германскаго крестьянина будет достаточно 200 единиц из 300, представляющих величину годового продукта каждаго из них. Остальные 100 единиц может взять сеньер или другіе присвоители прибавочнаго продукта. Весь год, а вмѣстѣ с тѣм и каждый рабочій день как бы распадается на двѣ части: в теченіе одной из них— $\frac{2}{3}$ года или 8 рабочих часов ежедневно—крестьянин производит необходимыя средства своего собственнаго существованія; в теченіе другой части—остальной трети года или 4 часов ежедневно—прибавочный продукт, который поступает в собственность сеньера, государства, купцов и т. д. Необходимое рабочее время с 10 часов в день сокращается до 8 часов—и вмѣстѣ с тѣм прибавочное время возрастает с 2 до 4 часов. Отношеніе приба-

¹⁾ Издержки транспорта и проч. мы оставляем в сторонѣ. Онѣ чисто ариѳметически усложнили бы вычисленія, но нисколько не измѣнили бы существа тѣх экономических отношеній, которыя иллюстрируются взятыми цифрами.

вочнаго времени к необходимому, или норма эксплуатаціи, с 2:10, или с 20%, повышается до 4:8, или до 50%. Въмѣсто $\frac{1}{6}$ всего годоваго производства деревни присвоители прибавочнаго продукта Англіи и Германіи могут располагать теперь $\frac{1}{2}$ всего годоваго продукта. Масса прибавочнаго продукта увеличилась в два раза: с 50 до 100 фунтов шерсти или пудов хлѣба.

Механизм таких перемѣн в общем направленіи національнаго производства представить нетрудно. В нашем первом примѣрѣ 50 п. хлѣба у германскаго крестьянина и 50 ф. шерсти у англійскаго представляют избыток над годовыми потребностями крестьянской семьи. Пока годовое производство оставляет избытки, и эти избытки поступают в распоряженіе натурально-хозяйственнаго крестьянина, у него не может быть особенно настоятельных побужденій к *раціонализаци*и производства, к тому, чтобы сосредоточить рабочія силы на наиболѣе производительных отраслях. Положеніе измѣняется, когда на этот избыток заявляет притязаніе сеньер или государство,—когда крестьянин стискивается цѣлой сѣтью повинностей,—когда, наконец, денежные повинности заставляют его выносить на рынок возрастающую массу продукта,—словом, когда развертываются всѣ явленія, которыми сопровождается развитіе торговаго капитала. По мѣрѣ того, как повинности все сильнѣе давят крестьянина и от времени до времени урѣзывают даже необходимѣйшія средства существованія, становится повелительной необходимостью усиленное развитіе таких отраслей производства, которым наиболѣе благоприятствуют естественныя условія: для того, чтобы вообще влечь существованіе, крестьянин однихъ областей должен все исключительнѣе развивать овцеводство, другихъ—производство зерновыхъ хлѣбовъ, третьихъ—льна и т. д.

В нашей схемѣ овцеводство в Англіи производительнѣе, чѣм в Германіи, но зато земледѣліе в Германіи производительнѣе, чѣм в Англіи. С перваго взгляда кажется очевиднымъ, что вообще каждая страна может вывозить в другую только такіе продукты, в производствѣ которыхъ она обладает извѣстными преимуществами. Эта мысль остается невысказываемой предпосылкой в большинствѣ новѣйшихъ разсужденій о вѣнскихъ рынкахъ и возможности выступленія на них экономически отсталыхъ странъ. Казалось бы, это—безспорная истина, и однако она на каждомъ шагѣ противорѣчитъ дѣйствительности и основывается на слишкомъ недостаточной оцѣнѣ тѣхъ разнообразныхъ способовъ, которыми географическое раздѣленіе труда приводит к повышенію общей производительности чело-вѣческаго труда.

Предположимъ, что в странѣ А в теченіе рабочаго года, распадающагося поровну между хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ, при 12-часовомъ рабочемъ днѣ, производится 100 ф. шерсти и 100 п. хлѣба, а в странѣ В

при тѣх же условіях 150 ф. шерсти и 100 п. хлѣба (вмѣсто 100 пуд. и 100 фун. мы можем взять миллионы, десятки миллионов и т. д. пудов и фунтов,—соотношенія от этого нисколько не измѣнятся). Если самому производителю требуется ежегодно 100 ф. шерсти и 100 п. хлѣба, то прибавочнаго продукта в первой странѣ не окажется, а во второй он составит 50 ф. шерсти; это равно $\frac{1}{3}$ рабочаго полугода, или $\frac{1}{6}$ цѣлаго рабочаго года, и при отнесеніи к 12-часовому рабочему дню выразится в 2 часах прибавочнаго труда. То-есть необходимый труд 10 часов, прибавочный—2 часа, норма эксплуатаціи $2:10=20\%$.

Так как страна А ни в какой отрасли производства не обладает никакими преимуществами перед страной В, то, казалось бы, рынок В, совершенно закрыт для нея, а вмѣстѣ с тѣм недоступны для нея и продукты страны В: удѣл страны А—своего рода натуральнo-хозяйственное существованіе, отторженность от міроваго рынка, экономическая, а вмѣстѣ с тѣм и культурная замкнутость, вѣковѣчная скудость и бѣдность внутренней жизни. Однако это не так.

Предположим, что развитіе географическаго раздѣленія труда между этими странами дошло до своего предѣла, и посмотрим, что получилось бы в таком случаѣ. Страна А производит теперь 200 п. хлѣба, страна В—300 ф. шерсти. Производителям первой страны необходимо достать при посредствѣ обмѣна 100 ф. шерсти, производителям второй—100 п. хлѣба. Если бы установилась мѣновая пропорція: за 100 п. хлѣба 100 ф. шерсти, то в странѣ А отсутствовали бы побужденія сокращать собственное овцеводство. Точно так же, если бы за 150 ф. шерсти удавалось получить на рынкѣ всего 100 п. хлѣба, то в странѣ В не было бы побужденій расширять овцеводство за счет хлѣбопашества. Слѣдовательно, мы должны предположить, что мѣновыя пропорціи установятся на каком-нибудь промежуточном уровнѣ между 100 и 150 ф. шерсти за 100 п. хлѣба. Предположим, что этим уровнем будет 125 ф. шерсти за 100 п. хлѣба,—берем эти цифры исключительно потому, что при них ариметическіе расчеты становятся очень простыми. Тогда производитель страны А, продав 80 п. хлѣба, покупает на выручку 100 ф. шерсти. У него остается 120 п. хлѣба, из которых 100 необходимы для собственного потребленія, а избыток в 20 п. составляет фонд, который впервые для страны А открывает возможность возникновенія и развитія новой социальной группы, сеньеров. Последніе могут в концѣ-концов присвоить весь этот избыток хлѣба, произведеннаго каждым крестьянином. В странѣ А впервые появилась прибавочная стоимость, и отношеніе прибавочнаго времени к необходимому будет равно $20:180$, или $11\frac{1}{9}\%$.

Обращаемся к странѣ В. Здѣсь крестьянин, продав еще 25 ф. шерсти, может купить на выручку недостающіе ему 20 п. хлѣба у

сенъера А. Значит, всего шерсти ему придется сбыть 125 ф., да 100 ф. потребуется для себя лично. Слѣдовательно, всѣ потребности производителя будут покрыты 225 ф. шерсти, остальные 75 ф. составят прибавочный продукт. Отношеніе прибавочнаго рабочаго времени к необходимому рабочему времени будет такое же, как этих частей годового продукта, т.-е. $75:225$, или $33\frac{1}{3}\%$.

Итак, благодаря тому, что страны А и В связываются обмѣном, в странѣ А впервые появляется прибавочный продукт, а в странѣ В масса прибавочнаго продукта повышается с 50 до 75 фунтов, норма же прибавочнаго времени увеличивается с 20 до $33\frac{1}{3}\%$. Этот результат достигается не потому, что страна А обладает в какой-либо области производства преимуществами перед В, а просто потому, что географическое раздѣленіе труда только и дает возможность странѣ В во всей полнотѣ использовать ея собственныя преимущества в одной из отраслей производства. Обмѣн становится необходимым для страны В потому, что он дает сенъеру В возможность извлечь из зависимаго населенія максимальную массу прибавочнаго продукта и повысить до максимальных размѣров норму прибавочной стоимости. Страна А сама по себѣ на первый взгляд не производит прибавочной стоимости, но в процессѣ обмѣна она реализует для себя извѣстную долю из того прибавочнаго продукта и той прибавочной стоимости, которые производятся в странѣ В. С такой точки зрѣнія процесс обмѣна между двумя странами превращается в процесс реализаціи прибавочной стоимости и прибавочнаго продукта, произведенных в одной из этих стран.

Однако было бы правильнѣе посмотреть на эти явленія с иной точки зрѣнія. Процессом обмѣна обѣ страны объединяются в одно производственное цѣлое, в экономически единое общество. Их совокупное производство выражается в едином годовом продуктѣ: 200 пуд. хлѣба и 300 фун. шерсти. Производителю в странѣ А достаточно теперь 180 пуд. хлѣба, чтобы покрыть всѣ свои потребности и в хлѣбѣ (100 пуд.) и в других продуктах (которые получаютъ в обмѣн на остальные 80 пуд. хлѣба). Слѣдовательно, общественно необходимым рабочим временем для страны А теперь и будет как раз то время, которое необходимо для производства 180 пуд. хлѣба. Остальные 20 пуд. составляют прибавочный продукт. Предыдущій способ исчисленія был бы правилен лишь в том случаѣ, если бы страны А и В не обмѣном связывались в одно общество, а страна А обложила бы страну В односторонней данью: оставляла бы у себя всѣ 200 пуд. хлѣба.

В таком дѣйстви обмѣна лежит объясненіе цѣлаго ряда экономических явленій, иногда таких, которые на первый взгляд представляютъ загадочными. Прежде всего, в новом свѣтѣ выступает перед нами

глубокая заинтересованность сеньеров в развитіи мѣновых отношеній. При посредствѣ обмѣна они не только превращают прибавочный продукт из одной потребительной формы в другую, в предметы квалицированного потребленія: они кромѣ того увеличивают в концѣ-концов общую массу получаемого от вассалов продукта и повышают норму прибавочной стоимости.

Понятным становится и другое явленіе, намѣтившееся тоже в торгово-капиталистическую эпоху. Как бы скудна и бѣдна ни была природа извѣстной страны, — назовем ее А, — как бы низка относительно ни была производительность человѣческаго труда во всѣх отраслях производства, — растущій торговый капитал и ея не обходил своим вниманіем, и ее вовлекал в процесс мѣновых отношеній, и в ней давал толчок общественной дифференціаціи, выдѣленію присвоителей прибавочной стоимости. Часть ея продуктов превращалась в торговую статью, в товар, в предмет вывоза не потому, что в этой отрасли данная страна обладала какими-либо производственными преимуществами, а просто потому, что преимущества страны В в этой отрасли — напр., в рыболовствѣ — не так велики, как в другой, напр., в производствѣ тканей. Точно так же, если, напр., Англія в теченіе XIX вѣка ввозила хлѣб из Россіи, это вовсе не означало, что в Англіи этот хлѣб нельзя было произвести с такими же или даже меньшими трудовыми затратами, чѣм в Россіи. Это просто означало, что в тѣх отраслях промышленности, продуктами которых Англія оплачивала в конечном счетѣ русскій ввоз хлѣба, она обладала бѣльшими преимуществами перед Россіей, чѣм в земледѣліи. Преимущества же эти в огромной степени не слѣдствіе вѣчно пребывающих, неизмѣнных естественных условій, а продукт историческаго развитія. В разсматриваемую торгово-капиталистическую эпоху это показал между прочим примѣръ Англіи, которая из поставщицы шерсти для фламандской суконной промышленности превратилась в поставщицу сукна для всей Европы¹⁾.

¹⁾ Сторонники „убывающаго плодородія почвы“ („закона“ или „факта“ убывающаго плодородія, как они иногда предпочитают говорить с побѣдоносным видом) дѣйствуют очень упрощенно. Начиная с эпохи торговаго капитала, говорят они, во всякой странѣ, достигшей извѣстнаго уровня экономическаго развитія, масса земледѣльческаго продукта сокращалась относительно (при расчетѣ на „душу населенія“, — излюбленный пріем П. П. Маслова), а иногда и абсолютно, — приходилось ввозить хлѣб из стран с дѣвственной почвой. Слѣдовательно, заключают они, плодородіе уменьшилось, и „факт“ его убыли не подлежит никакому сомнѣнію, недоказуем по своей элементарности и очевидности. Они не замѣчают, что ввоз хлѣба может говорить лишь о чрезвычайно быстром повышеніи производительности труда в промышленности, и явленія, вытекающія из товарнаго

В наших схемах техническій базис хлѣбопашества и овцеводства в странѣ А и В нисколько не измѣняется. Земледѣлец производил в рабочіе полгода 100 п. хлѣба,—в рабочій год он произведет 200 п.; овцевод за рабочіе полгода получал 150 ф. шерсти,—за год получит 300 ф. и т. д. Увеличеніе общей массы продукта пропорціонально увеличенію рабочаго времени, затрачиваемаго на производство даннаго продукта, но на производство каждой единицы продукта затрачивается в каждой странѣ столько же времени, как и раньше: производительность труда осталась прежняя. Увеличеніе общей массы продукта и прибавочнаго продукта, производимаго в обѣих странах, явилось слѣдствіем того, что для крестьянина А стало экономически цѣлесообразнѣе удовлетворять свои потребности шерстью, ввозимой из В, и превратиться в исключительнаго земледѣльца, оплачивающаго шерсть вывозом хлѣба в страну В. Получился тот результат, что в обществѣ, в которосе производственно начали объединяться страны А и В, сократилось необходимое рабочее время, увеличилось (или впервые стало возможным) производство относительной прибавочной стоимости, общая производительность труда повысилась. Этот результат может получиться очевидно только тогда, когда издержки транспорта понижаются на столько, что ими не уничтожаются относительныя производственныя преимущества той или иной страны.

Мы видѣли, что в эпоху феодализма сравнительно быстрое развитіе обнаруживала техника воднаго вообще и в особенности морского транспорта. Теперь мы видим, что оно создавало необходимыя предпосылки торгово-капиталистической эпохи. С одной стороны, дѣлая возможным расширяющееся географическое раздѣленіе труда, оно приводило к тому, что при неизмѣняющейся производственной техникѣ, при прежней продолжительности средняго рабочаго дня и даже при прежней численности населенія, присвоители прибавочной стоимости превращали в прибавочный труд все болѣшую долю годового труда зависимаго населенія, получали возрастающее количество прибавочнаго продукта. Таким образом сеиьер мог устраняться от торгово-организаторских функцій, соответствующая доля доходов могла переходить к новой профессіи, к купцам по специальности, и несмотря на то потребности и потребление верхушек феодальнаго сословія могли все болѣе расширяться. С другой

характера земледѣльческаго и промышленнаго производства, приписывают земледѣлію, как таковому. Им и в голову не приходит, что нѣкоторыя области, вывозящія теперь хлѣб, по уничтоженіи товарнаго производства утратили бы всякое значеніе как земледѣльческія области, и, напротив, земледѣліе расцвѣло бы во многих областях, которыя теперь являются почти исключительно промышленными.

стороны, мы видим, как с расширеніем международных сношеній, слѣдовательно, в процессъ развитія самой торговли, создавался и расширялся тот фонд, который служил основным источником существованія и ослѣпительной роскоши міровых торговых метрополій, Венеціи и Лиссабона, Брюгге и Антверпена, Амстердама и Лондона. Хотя бы крѣпостническая и рабовладѣльская эксплуатація в концѣ-концов подтачивала свой собственный технико-производственный базис,—к ним, если только интернаціональное раздѣленіе труда прогрессировало, стекались возрастающія массы прибавочнаго продукта.

Итак, основной предпосылкой торгово-капиталистической эпохи было развитіе средств транспорта, в первую очередь морского транспорта. Но именно только в первую очередь. За развитіем внѣшней торговли неизбежно слѣдовало развитіе внутренней торговли. Прогрессирующее меж-областное раздѣленіе труда приводило внутри каждой страны к совершенно таким же послѣдствіям, как раздѣленіе труда между различными странами. Каждая область получала возможность в максимальной мѣрѣ использовать свои производственные преимущества в той или иной сферѣ: в производствѣ гвоздей, или деревянной посуды, или гончарных издѣлій, или кожевенных товаров, или тканей из льна и т. д. Меж-областное раздѣленіе труда сопровождалось таким же увеличеніем массы и нормы прибавочной стоимости для мѣстных сеньеров, как интернаціональное—для суверенов. Можно только думать, что выгоды здѣсь были нѣсколько меньше: производственные различія между соседними областями, вообще говоря, не так велики, как между отдаленными странами,—не даром внѣшняя торговля по своему развитію далеко опережает внутреннюю торговлю.

Внутренній обмѣн в теченіе долгаго времени пользовался исключительно естественными ресурсами, в первую очередь рѣчными путями¹⁾. И очень долгое время он играл болѣе или менѣе служебную роль по отношенію к внѣшней торговлѣ, шел главным образом по путям внѣшняго ввоза и вывоза: напр., в центральной части Россіи до XVI вѣка по транзитным путям между Новгородом и Волгой, отчасти по путям между Москвой и черноморскими колоніями генуэзцев, с XVII вѣка—по путям между Москвой и Архангельском, Архангельском и Астраханью (путь в Персію, на Восток,—транзитный путь и для европейской

¹⁾ Необходимо отмѣтить, что для рассматриваемой эпохи „путями сообщенія“ были даже ничтожныя при современных средствах транспорта рѣки и рѣчки. Так, в предѣлах современной Московской губерніи в средніе вѣка не только Клязьма,—перегороженная теперь на каждом шагѣ плотинами,—но и Яуза имѣли значеніе торговых артерій.

торговли. Стремление монополизировать или хотя бы поставить под свой контроль торговлю сѣверо-западной Европы с Востоком опредѣлило основныя линіи внѣшней политики Петра I). Нѣкоторое представление о величайшей медленности развитія сухопутных средств сношеній дает хотя бы слѣдующее обстоятельство. По основаніи Петербурга (начало XVIII вѣка) от него до Москвы был проложен путь длиною в 750 верст. Во многих частях он мог использовать пути новгородско-московской торговли, — и тѣм не менѣе был настолько плох, лѣса, болота, непролазная грязь и рѣки с жалкими переправами ставили такія препятствія передвиженію, что даже иностранные послы добирались от Москвы до Петербурга только недѣль в пять, т.-е. с средней быстротой, едва превышающей 20 верст в день. Попытку проложить болѣе совершенную дорогу пришлось забросить уже в 120 верстах от Петербурга: задача оказалась технически и экономически непосильной для того времени, как ни безпощадно обращалось оно с средствами и людьми. Водный транспорт и для меж-областной торговли долго оставался главным перевозочным средством.

Мы видѣли, что внутри-областное объединеніе сопровождалось концентраціей прибавочнаго продукта в опредѣленных пунктах, которые превращались в торговые центры, и что с обособленіем ремесла они становились промышленными центрами своих областей. К ним прокладывались дороги, которыя, как бы несовершенны онѣ ни были, мало-по-малу отыскивали возможность перевозки сравнительно громоздких продуктов. Соединяясь на периферіи с такими же дорогами сосѣдних областей, онѣ немногу полагали конец областной замкнутости: меж-областное раздѣленіе труда, распространявшееся раньше на производство предметов преимущественно квалицированного потребленія, постепенно охватывало производство необходимых средств существованія и сырых матеріалов для промышленнаго производства. Масса и норма прибавочной стоимости, достигающей сюверенам, все возрастала, а это давало новый толчок к усовершенствованію путей сообщенія. Повсюду — в Италіи, Франціи, Англіи, Россіи — мы наблюдаем, как на извѣстной ступени развитія торговаго капитала начинается развитіе путей внутренняго сообщенія. Так, уже в XVI вѣкѣ Москва сдѣлалась узлом семи больших дорог с постоянной гужевою перевозкою. Об их значеніи говорит хотя бы тот факт, что, по словам англичан, из одного только ярославскаго края по дорогѣ в Москву ежедневно проходило по 700—800 возов с зерном, предназначенным на продажу.

Вообще послѣднія столѣтія торгово-капиталистической эпохи представляют огромныя отличія от ея ранняго періода. Конечно, о сѣти дорог, да обыкновенно и вообще о сносах с современной точки зрѣнія

дорогах, говорить не приходится. Но все же важнейшие областные центры связываются по меньшей мере грунтовыми дорогами, пригодными для колесного транспорта. Показательное значение имеет тот факт, что повсюду с развитием крепостного права дорожная повинность: обязанность прокладывать и поддерживать в порядке дороги, строить мосты и гати, превращается в одну из обременительнейших повинностей, почти совершенно неизвестных в эпоху феодализма. В XVIII веке во всех странах европейского континента появляются мостовые камни на дорогах. В XVI и особенно в XVIII веке, — в России, напр., с эпохи Петра I, — соседние речные системы соединяются каналами, которые должны устранить необходимость „перевоза“ грузов, мало затруднительного, пока главной торговой статьей были рабы и предметы роскоши, и чрезвычайно трудного или совсем невозможного, когда по торговым путям пошли хлеб и лен, жернова и простая посуда¹⁾.

Повышение общей производительности труда как результат его разделения между областями объясняет между прочим одно очень обычное явление: поразительный рост богатства, стекающегося к верхушкам феодального сословия, совершается в торгово-капиталистическую эпоху не только в странах, где общая численность и плотность населения повышается, но и в странах, где она растет очень медленно или даже падает. Характерным примером может служить Франция. В начале XIV века общая численность населения определяется здесь в 20—22 миллиона, что составляет до 40 чел. на 1 кв. километр. Чума, Столетняя война и проч. настолько разрешили его, что даже в конце XVI века оно не превышало 14 милл. Но это была новая Франция, оставившая далеко позади период натурально-хозяйственной замкнутости и областной обособленности, — и señores XVI века вели сказочно-роскошную жизнь по сравнению со своими предками XIII и XIV столетия. И даже в конце царствования Людовика XIV (начало XVIII века), когда прибавочный продукт, выкачиваемый из населения и потребляемый светскими и феодальными семьями, достиг небывалых размеров, население Франции не превышало 18 милл. Той численности, как в начале XIV века, оно вообще достигло только накануне великой революции²⁾.

1) Некоторые даты начала постройки каналов очень красноречивы. Напр., из двух важнейших каналов современной Испании самый большой паводок постройки во второй четверти XVI века. Напротив, в Англии постройка настоящих каналов началась лишь во второй половине XVIII века, и главные из них были доступны для морских судов того времени.

2) Примеры этого рода показывают, как мало считается с действительной историей та довольно популярная в настоящее время теория, которая все экономическое развитие, во все времена и эпохи, хочет объяснить ростом населения,

Дѣйствія географическаго раздѣленія труда в сферѣ промышленности обнаруживаются, вообще говоря, раньше, чѣм в собственно земледѣліи: транспорт сукна, полотна и проч. мирится с болѣе несовершенными путями сообщенія, чѣм перевозка пшеницы, ржи и т. д.

Географическое раздѣленіе труда есть в то же время концентрація определенных отраслей производства на сравнительно ограниченных территориях. В ремесленный період экономическаго развитія каждая городская область была производственным микрокосмом, небольшим самодовлѣющим міром; почти всѣ ея потребности в продуктах промышленности обслуживались ремесленниками ея города. Зато большинство ремесленников и обслуживало только данную область; только для немногих, экспортных отраслей промышленности рынок был шире, чѣм сравнительно ограниченная область их города. Развитіе меж-областного раздѣленія труда одновременно является развитіем цѣлаго ряда новых отраслей промышленности в экспортныя отрасли, расширеніем областного рынка в національный рынок. Таким образом Урал, напр., снабжает желѣзом огромную часть Россіи XVIII вѣка, Гжель развивается в центр гончарнаго производства, Ворсма и Павлово — производства мелких желѣзных и стальных издѣлій и т. д.

Пока гончарное производство обслуживало сравнительно узкую область, специализація его не могла пойти в глубину. Количество областных гончаров оставалось ограниченным, и каждый из них производил всѣ издѣлія, которыя требуются в его области: болѣе грубую и сравнительно изящную посуду, предметы домашней утвари и игрушки для дѣтей. Расширеніе рынка в меж-областной рынок открывало возможность внутренняго расчлененія гончарнаго производства: одніе его отрасли сосредоточиваются там, гдѣ большія залежи хорошей обыкновенной глины, другія — около мѣстонахожденій каолина (фарфоровой глины); одни работники могут специализироваться на производствѣ посуды,

увеличеніем его плотности, усиливающимся „давленіем на средства существованія“. В Россіи наиболѣе крупную работу в таком направленіи дал М. Ковалевскій („Экономическій рост Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“, 3 тт.). П. Маслов связал эту теорію с „законом убывающаго плодородія“ („Аграрный вопрос“, т. I, и в особенности новѣйшая работа: „Теорія развитія народнаго хозяйства“). Совершенно игнорируя факты и в лучшем случаѣ ограничиваясь поверхностным сопоставленіем послѣдовательных явленій, эта теорія ничего не дает для пониманія ни торгово-капиталистической, ни в особенности промышленно-капиталистической эпохи. Вообще, если уж и говорить о каком-то „давленіи“, как основной пружинѣ историческаго развитія, то это было скорѣе давленіе присвоителей прибавочной стоимости на ея производителей, чѣм „давленіе населенія на средства существованія“.

другіе—игрушек; одни на работѣ за гончарным станком, другіе на разрисовкѣ посуды, третьи на обжиганіи и т. д. На мѣсто универсальнаго гончара, который производил не только цѣльный продукт, но и большее разнообразіе разнородныхъ цѣльныхъ продуктов, выдвигается детальный работникъ, совершенствующійся на производствѣ какаго-либо одного рода продуктов или даже на выполненіи частичной операціи, входящей в производство этихъ продуктов.

То же и в металлургическомъ производствѣ. Еще и теперь в нѣкоторыхъ захолустныхъ деревняхъ сохраняется разносторонній кузнец, который до сихъ поръ напоминаетъ объ общемъ прародителѣ современныхъ металлистовъ, представляющихъ безконечное множество подраздѣленій и специальностей. Онъ самъ производитъ подковы и желѣзныя пины, дѣлаетъ всевозможныя дверныя запоры и петли, иногда самъ мастеритъ, по меньшей мѣрѣ чинитъ замки, выковызаетъ гвозди, лудитъ самовары, не отказывается отъ поправки часовъ, потому что его престижъ могъ бы пострадать отъ отказа: такъ какъ онъ—единственный „металлист“ на округу, то онъ долженъ выполнять для этой округи всѣ „работы по металлу“, какія только потребуются.

Расширеніе рынка до размѣровъ національнаго рынка и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе опредѣленныхъ отраслей производства на ограниченныхъ территорияхъ приводитъ къ такимъ же результатамъ, какъ в случаѣ с гончарнымъ производствомъ. С одной стороны, единый кузнечный промыселъ расщепляется на множество болѣе дробныхъ подраздѣленій: гвоздарное, замочное, ножевое, подковное, кровельно-желѣзное и т. д. производства концентрируются тамъ, гдѣ они находятъ наиболѣе благоприятныя естественныя условія (запасы руды опредѣленнаго качества, богатство топливомъ, возможность примѣнять движущую силу воды и проч.). В ряду поколѣній эти отрасли, каждая на своей территоріи, вырабатываютъ тѣхъ несравненныхъ специалистовъ, которые производятъ десятки гвоздей в то время, какъ старинный энциклопедическій кузнецъ произвелъ бы всего нѣсколько штукъ, и которые доводятъ свое специальное мастерство до виртуозности, дающей пищу сказкамъ о „стальной тульской блохѣ“, а позже и беззаботно-презрительному отношенію къ „заморской машинѣ“. Это—тѣ же явленія, какъ в ремесленномъ производствѣ, только рѣзче выраженные, такъ какъ экономическая жизнь разворачивается теперь на чрезвычайно расширившейся аренѣ. С другой стороны, та же территориальная концентрація специальныхъ отраслей производства открываетъ возможность подраздѣленія производственнаго процесса на частичныя операціи, изъ которыхъ каждая выполняется особымъ специалистомъ-работникомъ. Насколько далеко, при значительной широтѣ рынка, можетъ заходить такое расчлененіе производственнаго процесса, показываетъ хотя бы примѣръ металлургической промышленности Золингена. Тамъ каждый мечъ

был продуктом труда нѣскольких десятков специалистов, и даже клинок в послѣдовательных операціях производства переходил через самостоятельны мастерскія цѣлаго ряда кузнецов, точильщиков, отбивальщиков, шлифовальщиков и т. д.

Раньше мы видѣли, что уже обособленіе города от деревни, промышленности от земледѣлія, ремесленника от крестьянина сопровождалось значительным повышеніем производительности как промышленнаго, так и земледѣльческаго труда. Теперь мы видим, что торгово-капиталистическое развитіе, нанося послѣдовательные удары областной обособленности, открывало возможность еще болѣе глубокой и дробной специализаціи, чѣм то было возможно в ремесленную эпоху. Ремесленник, производящій цѣлый продукт, все болѣе отдѣляется детальным, частичным работником по мѣрѣ того, как его отрасль промышленности развивается в экспортную отрасль. И в то время, как извѣстная отрасль ремесла развивается в экспортную промышленность, работник, раньше об'единявшій в своем лицѣ промышленнаго производителя и торговца, все болѣе выпускает из своих рук нити рыночных отношеній, попадает все в большую зависимость от купца; или же этот работник быстро отдѣляется на задній план новыми производителями, которых отыскивает торговый посредник и которых традиціи городского ремесла никогда не касались.

Таким образом развитіе торговаго капитала ведет к разрушенію ремесла и выдвигает ту систему экономических отношеній, которая получила (не совсѣм точныя, слишком узкія) названія домашней системы промышленности, работы на скупщика, посредника или мастера (обычное русское литературное названіе для деревенской домашней промышленности—„кустарное производство“; оно встрѣчается в нашей экономической литературѣ уже в 20-х годах XIX вѣка).

2. Внѣдреніе торговаго капитала в сферу ремесла. — Возникновеніе новых отраслей промышленности (меркантилизм). — Соотношеніе мануфактуры и деревенской домашней промышленности.

Первоначальныя формы посредничества между производителями и рынком возникли в области ремесла, и первыми посредниками были по всей вѣроятности члены ремесленнаго сословія. Мы уже видѣли, что в самом ремеслѣ скрывались тенденціи к развитію в таком направленіи. Рост торговаго капитала с сопровождающим его географическим раздѣленіем труда не создавал этих тенденцій, а просто усиливал их и ослаблял противодѣйствующія вліянія. Ремесленник попадал в зависимость с одной стороны от посредника, который становился все болѣе

необходимым звеном между ремесленником и рынком сырья, а с другой стороны—от посредника, организующаго сбыт готовых продуктов ремесленника. Сам по себѣ первый посредник не мог бы сколько-нибудь существенно измѣнить положеніе ремесленника, если бы послѣдній оставался монополистом в своей сферѣ и попрежнему диктовал цѣны. Способ пріобрѣтенія сырых матеріалов получает для него рѣшающее значеніе с того времени, когда между ним и рынком выдвигается скупщик. Тогда становятся возможными такіа явленія, как повышеніе цѣн сырых матеріалов при сравнительно медленном увеличеніи цѣн готовых продуктов. Скупщик и посредник по снабженію сырыми матеріалами часто соединяются в одном и том же лицѣ.

В скупщиков обыкновенно развиваются члены тѣх ремесленных групп, на которых лежали окончательныя операціи по производству продукта: аширетурщики или красильщики в шерсто-тепком производствѣ; сборщики, составляющіе из отдѣльных частей полный продукт (напр., меч),—в производствѣ оружія и т. д. К каждому из них для окончательных операцій поступали издѣлія цѣлаго ряда ремесленных мастеров. Когда окончательныя операціи сводятся к сборкѣ отдѣльных частей будущаго готоваго продукта, произведенных самостоятельными ремесленниками, послѣдніе быстро попадают в полную зависимость от сборщика, который только и может купить у них частичные продукты. Но и в тѣх случаях, когда продукт, выйдя из рук, напр., шерсто-или шелко-тепача нуждался только в заключительной отдѣлкѣ, ремесленник, выполнявшій ее сначала просто за особую плату, рано или поздно превращался в самостоятельнаго предпринимателя, который покупал на-половину готовый продукт, совершал окончательныя производственныя операціи и потом получал всю выручку от продажи. Этот способ возникновенія домашней промышленности сыграл крупную роль не только в городѣ, но и в деревнѣ: красильщик и аширетурщик, к которым поступали для окончательных производственных операцій домотканныя крестьянскія полотна и сукна, объединял мѣстное производство этих продуктов еще в то время, когда они предназначались для собственнаго потребленія крестьянской семьи. Всякое усиленіе феодальных повинностей, вынуждавшее крестьян производить для продажи, совершенно естественно превращало аширетурщика в скупщика мѣстных продуктов¹⁾.

¹⁾ В послѣднія десятилѣтія аналогичный процесс развѣтывается области производства молочных продуктов. Из домашняго производства, так же неразрывно связаннаго с земледѣіем, как старинное крестьянское производство сукна, холста, парусины, оно превращается в производство на рынок, а потом и в особую отрасль промышленности, которая концентрируется на сыроваренных и маслодѣлательных заводах. Крестьянин превращается в производителя исключи-

Совершал ли окончательный ремесленник только послѣднія производственныя операціи, или он собирал отдѣльныя части в полный продукт, — и в том и в другом случаѣ цеховыя уставы были безсильны бороться с развитіем его в скупщика. Цехи, напр., ревниво слѣдили за тѣм, чтобы на одного ткача-мастера не работало болѣе очень ограниченного числа подмастерьев; но техническія требованія ткацкой промышленности вынуждали их мириться с тѣм, что на одного красильщика или аппретурищика фактически работал цѣлый ряд ткачей-мастеров.

Однако и в тѣх случаях, когда ремесленник производил цѣльный и вплоть готовый к потребленію продукт, с развитіем широких общественных связей его положеніе измѣнялось. У торговаго посредника все болѣе расширялась возможность выбора: совершит ли он свои закупки в той или иной области, у того или иного ремесленнаго мастера, это в возрастающей мѣрѣ зависело от него. Точно так же все большее значеніе приобрѣтал вопрос, куда направить товары, гдѣ удастся сбыть их с болѣею выгодною, и гдѣ вообще удастся продать. С другой стороны, с развитіем торговаго капитала прежній мелкій, раздробленный сбыт все болѣе концентрируется, и только концентрированный сбыт оказывается приспособленным к новым экономическим отношеніям. Цехи дѣлают отчаянныя попытки борьбы с надвигающеюся мощью торговаго капитала: воспрещают цеховым ремесленникам работать на нецеховых скупщиков, мастерам — на не-мастеров, отдавать часть работы на сторону и т. д. Но вся их тревожная, придирчивая изобрѣтательность оказывалась тщетной. Скупщики дѣлали ссуды цеховым мастерам, — деньгами ли, сырыми ли матеріалами, — и мастера превращались в заемщиков, которые не продавали продукт скупщику, а просто совершали необходимое возвращеніе ссуды, котораго не могли воспретить никакіе статуты. Скупщики добивались принятія в цехи, — и разлагали их уже не извнѣ, как до того времени, а изнутри. Послѣдним обстоятельством объясняется между прочим тот фактъ, что нѣкоторые цехи номинальных ремесленников — напр., суконщиков в Италіи и Фландріи XIV—XV вѣков, в Англіи и Германіи XVI и XVII столѣтій — по существу очень мало отличались от гильдій торговцев.

тально сырого матеріала: в одном случаѣ — шерсти, льна, пеньки, в другом — молока. И, как аппретурныя и красильныя заведенія сначала организовались цехами на артельных, товарищеских началах, так и преобладающей формой молочных заводов нѣкоторое время оставалась кооперативная. Но она оказалась столь же непрочною, такой же переходной ступенью к капиталистической организаціи, как в области текстильнаго производства. Хотя крушеніе мелкобуржуазных производственных форм в деревнѣ представляет несравненно болѣе затяжной процесс, чѣм в городѣ, он, однако не становится от этого качественно иным.

Но крѣпъ обхода цеховыхъ предписаній, передъ скупщикомъ оставался еще обходъ самаго цеховаго ремесла. По мѣрѣ того, какъ развивались пути сообщенія, скупщикъ получалъ возможность находить промышленныхъ производителей въ постоянно расширяющемся районѣ и все легче выбивался изъ-подъ цеховаго контроля. Онъ приурочивалъ свою дѣятельность къ сохранившимся въ далекихъ деревняхъ вѣтземледѣльческимъ подсобнымъ крестьянскимъ занятіямъ, сначала ускорялъ превращеніе этихъ занятій въ товарное производство, а потомъ, пользуясь старинными производственными навыками крестьянъ, переносилъ въ деревню и нѣкоторыя совершенно новыя отрасли производства. Такимъ образомъ, напр., шерстяная и полотняная промышленность Нидерландовъ создали необходимыя предпосылки для быстраго развитія шелковой прядильной и ткацкой промышленности.

Всѣ сколько-нибудь новыя отрасли промышленности съ самаго начала ускользали отъ традиціонной ремесленной организаціи, и цехи были безсильны противодействовать этому. Между тѣмъ съ развитіемъ торгово-капиталистическихъ отношеній именно новѣйшія отрасли занимаютъ самое видное мѣсто и рѣшительно оттѣсняють старое ремесло. Развиваясь изъ феодальнаго вотчинника-сенъера въ монарха національно-объединяющейся страны, сюзерен-собиратель (или фактическіе управители) неизбѣжно продолжалъ въ ней ту экономическую политику, съ которой онъ сросся еще въ своей старой усадьбѣ. Для того, чтобы сохранить политическую самостоятельность, страна должна сдѣлаться такимъ же экономически независимымъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ, какъ была старая вотчина. Необходимо достигнуть того, чтобы никакія войны, никакая блокада не препятствовали удовлетворенію всѣхъ привычныхъ потребностей. При громадномъ преобладаніи деревни надъ городомъ, о земледѣльческомъ продуктѣ, объ обычныхъ средствахъ питанія, — хлѣбѣ, мясѣ, — не приходилось заботиться: для повышенія производительности земледѣлія и для увеличенія той доли прибавочнаго продукта, которой располагали монархъ и его слуги, было вполне достаточно тѣхъ мѣръ, которыя объединяются подъ названіемъ „охраны крестьянства“.

Блокада страшна постольку, поскольку она препятствуетъ снабженію арміи боевыми припасами и аммуниціей и снабженію феодальнаго сословія предметами квалифицированнаго потребленія. Развивая соответствующія отрасли промышленности, страна не только упрочивала свою политическую независимость, но и подчиняла себѣ экономически страны, которыя въ этихъ отрасляхъ отстали отъ нея. Ихъ подчиненіе выражалось и выражается въ томъ, что въ мирное время деньги изъ нихъ притекаютъ въ промышленно-передовую страну въ оплату необходимыхъ продуктовъ, а во время войны прекращеніе вывоза этихъ продуктовъ оказы-

вается хорошим средством для того, чтобы парализовать боевую способность противников.

Таким образом, параллельно національному объединению, экономическая политика помѣстья приобрѣтала національный размах и в концѣ-концов получила принципиальную формулировку в той системѣ воззрѣній, которая извѣстна под названіем „системы меркантилизма“. Основныя положенія ея слѣдующія: 1) страна тѣм богаче, чѣм больше в ней денег; 2) внѣшняя торговля—главный канал, по которому деньги приливают в страну; 3) слѣдовательно, страна богатѣет тѣм быстрѣе, чѣм больше продает она заграницѣ и чѣм меньше покупает у нея. А из этого слѣдует, что, стремясь къ богатству, каждая страна должна промышленно не только эмансипироваться от других, но и подчинить их себѣ.

Совершенно естественно, что меркантилизм, как система промышленной политики, с наибольшей рельефностью выступает в странах, которыя далеки от господствующаго положенія на морях или даже лежат в сторонѣ от главных путей міровой торговли. В таких странах, как итальянскія республики средних вѣков или Голландія и Англія XVII вѣка, силы и средства поглощались в первую очередь грандіозными торговыми и колоніальными предпріятіями. Меркантилизм сдѣлался здѣсь особым направлением торговой политики (Навигаціонные Акты Кромвеля) и распространялся на промышленность лишь в той мѣрѣ, в какой это требовалось непосредственными интересами міровой торговли (шелковая, стеклянная, хрустальная, отчасти шерстяная промышленность в Венеціи; судостроеніе и парусное производство в Голландіи). Монополизациа морской торговли, уничтоженіе торговых конкурентов было для таких стран самым вѣрным средством обезпечить себѣ полную экономическую независимость.

Существенное значеніе имѣло и еще одно обстоятельство. В странах, далеких от блестящих операцій міровой торговли, преобладаніе принадлежало торговцам и купцам болѣе или менѣе плебейскаго склада. Внутренняя торговля роднила их с тѣми сравнительно скромными по размѣрам, докучливыми по педантической мелочности операціями, которыми на первых порах исчерпывалась и дѣятельность скупщика (или раздатчика): старательным развѣшиваніем пряжи по фунтам и золотникам, придирчивым изслѣдованіем каждой штуки товара, безконечным торгом из-за всякой копейки. Слѣдовательно, в то самое время, как внѣшнія условія этих стран выдвигали на первый план значеніе промышленности,—внутреннее их развитіе подготавливало элементы, которые могли выступить носителями ея новых организаціонных форм.

Меркантилизм, как система промышленной политики, зародился уже в средневѣковый період. Его родиной можно считать Англію XIV вѣка,—

страну, в которой раньше всего началось національное объединение и которая очень долго играла страдательную роль в мировой торговле, подвергаясь беспощадной эксплуатации итальянских и ганзейских купцов. Уже при Эдуарде III начали ставить препятствия вывозу шерсти на континент и, напротив, оказывалось всяческое покровительство английскому сукноделю. Между прочим здесь нашли приют фламандские ткачи, бѣжавшие от побѣдоносной феодальной реакции, как впоследствии испанские и французские еретики. Новое усиленное покровительство суконной промышленности началось во второй половине XV вѣка, и уже в слѣдующем столѣтіи у Англіи в этой сферѣ не было конкурентов.

К новому времени одной из первых стран, гдѣ меркантилизм выдвинулся как широкая система промышленной политики, была венеціанская область XV вѣка—той эпохи, когда начался явный упадок итальянской торговли. По мѣрѣ того, как утрачивалась средневѣковая монополія в сферѣ посреднической торговли, становилось все болѣе ясным, что новым источником могущества для Венеціи может сдѣлаться только промышленность, которая в свободной конкуренціи с сосѣдями сумѣет отстоять свое положеніе. Чѣм дальше от средних вѣков, тѣм больше выработанности и систематичности наблюдается во всевозможных мѣрах правительства, которыя должны были содѣйствовать развитію суконной, шелковой, парчевой, зеркальной, хрустальной промышленности.

Еще рѣшительнѣе перевѣс промышленно-политической стороны меркантилизма над его торгово-политической стороной был во Франціи конца XVI и первой половины XVII вѣка (эпоха Генриха IV и Кольбера), в Пруссіи второй половины XVII вѣка (эпоха Фридриха Вильгельма, „великаго курфюрста“), в Россіи начала XVIII столѣтія (эпоха Петра I). Основные стремленія меркантилизма повсюду одни и тѣ же.

1) Принимаются рѣшительныя мѣры с той цѣлью, чтобы по возможности завершить превращеніе централизующагося общества в единый внутренній рынок: там, гдѣ внутреннія таможенные заставы еще сохранились, онѣ упраздняются; особыя провинціальныя привилегіи подвергаются ограниченію, если их не удастся совсѣм уничтожить; отменяются городскія ввозныя пошлины, сохранившіяся от ремесленного (или даже от феодальнаго) періода городского развитія. Коротко говоря, создаются необходимыя предпосылки для такого же сравнительно широкаго и глубокаго раздѣленія труда между областями, которое на мировом рынкѣ складывается между націями. В „реформѣ Петра“ эта сторона меркантилизма мало замѣтна: уже в предшествующій період объединеніе русской равнины стало настолько полным, внутренній рынок представлял такое единство и цѣльность, что XVIII вѣку оставалось в основных чертах только строить на подготовленном исторіей базисѣ.

2) Как вотчина стремилась развить у себя всё производства, возможные по естественным условиям, так и теперь обнаруживается это стремление, но только уже в национальном масштабе. Вотчина разрослась в государство, прочно подчиненное суверену, — и монарх из покровителя чужеземных „гостей“, которые превращают однообразный продукт его страны в многообразные продукты мирового производства, все более становится покровителем „национальной промышленности“: его страна должна сама производить великое разнообразие предметов квалифицированного потребления и военного оборудования. Отсюда вытекает целая система отрицательных и положительных мѣр. Важнѣйшія из отрицательных сводятся к тому, что таможи, уничтожаемыя внутри страны, перенесутся на периферію. Вся таможенная политика перестраивается таким образом, что фискальное значеніе пошлин отступает на задній план перед их покровительственным значеніем. Онѣ должны, с одной стороны, настолько удорожать ввозимыя промышленныя издѣлія, чтобы технически несовершенная, не накопившая надлежащаго опыта, слабая, молодая внутренняя промышленность могла конкурировать с ними. Онѣ должны, с другой стороны, затруднять вывоз предметов питания рабочих и в особенности вывоз сырья (вывозныя пошлины на шерсть, шелк, пеньку и проч.), необходимаго для возникающей внутренней промышленности: удешевлять сырые матеріалы для нея и удорожать — для ея конкурентов. Важнѣйшія мѣры положительнаго характера сводились к вызову иностранцев, посвященных в тайны того или иного производства, к различным формам покровительства им: освобожденіе от подчиненія цехам, надѣленіе всевозможными привилегіями монопольнаго свойства, энергичное вмѣшательство власти при всѣх конфликтах новых предпринимателей с работниками, иногда право на принудительный труд крѣпостных и заключенных в тюрьмах, смиренных домах, обычно промѣ того — крупныя денежныя субсидіи.

Политика промышленнаго протекціонизма принесла свои результаты. Только практика могла выяснить, из чего вытекало отсутствіе извѣстных отраслей промышленности в той или иной странѣ: из непреодолимых ли естественныхъ условій, — из особыхъ свойствъ почвы и климата (шелководство, разведеніе тонкорунныхъ овец), из полнаго отсутствія или плохого качества извѣстныхъ минераловъ в составѣ земной коры, из недостатка топлива около ихъ мѣсторожденій (гончарное, стекольное и различныя отрасли металлургическаго производства), — или же из измѣнчивыхъ историческихъ отношеній: из преходящей исторической конъюнктуры, из запоздалаго развитія путей сообщенія, из того, наконецъ, что, подавляемое конкуренціей промышленно-передовыхъ стран, населеніе странъ отсталыхъ просто не имѣло времени для нако-

пленія необходимых технических навыков. И до каких бы абсурдов ни доходил старинный протекціонизм, как бы ни тормозил экономическое развитіе современный промышленный протекціонизм, в особенности когда он соединяется с протекціонизмом аграрным, — одно остается несомнѣнным историческим фактом: политика меркантилизма XVI—XVIII столѣтій на практикѣ показала, что в цѣлом рядѣ отраслей производства как земледѣльческаго, так и промышленнаго неизмѣнныя естественныя условія играют очень скромную и все убывающую роль по сравненію с чрезвычайно эластичными историческими отношеніями, — техническими и экономическими. Протекціонизму во многих случаях удалось демонстрировать, что сложившееся интернаціональное раздѣленіе труда болѣе или менѣе случайно в том смыслѣ, что, технически и экономически неизбежное и рациональное при одной исторической комбинаціи, при ея измѣненіи оно перестает быть таковым и даже превращается в свою прямую противоположность. Стремясь к промышленной универсальности, протекціонизм на практикѣ во всѣх направленіях испытывал производственныя возможности каждой страны — и, поскольку его поиски и опыты увѣнчивались успѣхом, создавал предпосылки для новаго, технически и экономически болѣе рациональнаго международнаго раздѣленія труда.

К началу новаго времени Италия, в особенности флорентійская и венеціанская области, неизмѣримо далеко опередила всѣ страны Европы по своему промышленному развитію. С эпохи французских походов в Италію (на границѣ XV и XVI столѣтій) во Франціи дѣлаются первыя попытки воспроизводства итальянской промышленности, прежде всего шелковой (около Тура), а потом шерстяной, полотняной, кожевенной и т. д. Прерванныя религіозными войнами, онѣ приобрѣли систематическій характер в концѣ XVI вѣка, когда сотни шелко-ткачей с семействами переселяются из Милана в Ліон и его окрестности, основываются „королевскія мануфактуры мебели“ и т. д. Нѣскольких десятилѣтій оказалось достаточным для того, чтобы ліонская шелковая промышленность выступила как равносильный конкурент старинной итальянской промышленности. Во второй половинѣ XVII вѣка, в эпоху Кольбера, вызываются голландцы для того, чтобы насадить во Франціи производство тонких сукон и тонкаго полотна, принимаются мѣры с той цѣлью, чтобы научиться у венеціанцев плетенію тонких кружев, создать чудоповязальное, ковровое и обойное (гобеленовое), хрустальное производства. И во всѣх этих отраслях Франція еще в эпоху Кольбера успѣла занять видное мѣсто на міровом рынкѣ: она стояла на вѣрном пути к тому, чтобы превратиться в одну из наиболѣе промышленных стран.

Религіозныя гоненія XVI—XVII вѣков сыграли крупную роль в

широком распространении новых отраслей промышленности. Работая на сравнительно широкий рынок, отличаясь с самого начала значительной концентрированностью сбыта, требуя для отдельных производственных операций большой для того времени концентрации средств производства, эти отрасли очень рано развиваются до полного разрыва с отношениями и феодального производства деревни, и ремесленного производства города. С одной стороны, они быстрее, чем исконные отрасли ремесла, отрываются от средневековой локальной ограниченности; с другой — в них скорее всего возникают зародышевые формы тех классовых противоречий, которые в развитом своем виде вырастают в диаметрально противоположность интересов капиталиста и пролетария. Представляя по всему своему строю отрицание традиционных общественных отношений средневековья, новые, преобладающе экспортные отрасли промышленности совершенно естественно ведут к решительному отрицанию и средневековой идеологии, следовательно, в первую очередь той универсальной идеологии, какою являлся католицизм. Вопреки школьным представлениям, будто протестантизм вообще и ереси в особенности благоприятствовали новому промышленному развитию, будет вернее сказать, что первоначальная связь явлений обратная: новые формы экономических отношений были той почвой, на которой вырастали различные ереси. Так было в средние века: в северной Италии (Дольчино), в южной Франции (альбигойцы), в Англии (лолларды), в Богемии (табориты), — так было и в новое время (различные ереси в Испании, гугеноты во Франции, нидерландский протестантизм в эпоху борьбы с Испанией и т. д.).

В таких странах, как Испания, где решительный перевес получила колониальная торговля, представляющая своеобразное продолжение феодального производства, внутренняя, плебейская торговля развивалась в постоянном антагонизме с нею. Ее историческая связь с такими потенциально-еретическими элементами, как мориски, благодаря этому антагонизму все больше упрочивалась. Во Франции еще в эпоху жакерий городская буржуазия выступила против феодального сословия. Чем больше превращалось оно в придворное сословие по преимуществу и социальный паразитизм становился его специфически-сословной приметой, чем резче его привилегии выступали как единственная основа его притязаний, стоящих в вопиющем противоречии с требованиями экономического развития, — тем благодарнее делалась почва, которую ереси находили в отношениях не только новой промышленности, но и развивающейся торговли. Так исторически складывалось то положение, когда почти вся новая промышленность и внутренняя торговля Испании, важнейшие наиболее деликатные отрасли французской промышленности и почти вся французская торговля оказались в руках еретиков или лиц, не без

основанія состоящих на подозрѣніи: морисков и гугенотов. Ревниво охраняя дорогой для него строй: закрывая для подозрѣваемых доступ ко всѣм сколько-нибудь видным должностям в администраціи, войскѣ, флотѣ, судѣ, провинціальном и городском управленіи, создавая иногда нѣкоторое подобіе „черты осѣдлости“ для еретиков¹⁾,—феодалное сословіе как бы толкало еретиков на полный захват промышленности и торговли.

При таких глубоких связях между новыми формами экономической жизни и ересями всякое усиленіе феодальной реакціи, неизмѣнно сопровождавшееся гоненіями на еретиков, необходимо приводило к полному разгрому новых, еще не окрѣпших форм. А так как в новой Европѣ политическое бытіе каждой страны стало неотдѣлимо от использования новых экономических отношеній: широкаго интернаціональнаго раздѣленія труда, финансовой централизаціи, новѣйшей системы кредита и т. д.,—то самая побѣдоносная реакція была бессильна реставрировать средневѣковый феодализм. Ея торжество сопровождалось всесторонним экономическим упадком, и вмѣсто изжитых феодальных отношеній создавало карикатуры на них: монах, мирный организатор производства и хранитель научных приобрѣтеній древняго міра, смѣнялся Торквемадой, принципиальным, выдержанным искоренителем по преимуществу; сеньер, военный организатор, почерпавшій свою силу в охранѣ земледѣльческаго населенія, уступал мѣсто герцогу Альбѣ, мрачному разрушителю.

Во Франціи было то же самое. Так, в ліонской шелковой промышленности к году отмѣны Нантскаго эдикта насчитывалось 13.000 станков, а через 20 лѣтъ по изгнаніи гугенотов осталось не болѣе 2.000. Сильно пострадали также парчевая, ленточная, кружевная, суконная, полотняная, хлопчато-бумажная промышленность, и почти совсѣм была убита торговля Бордо и Ла-Рошели, главных коммерческих центров Франціи и в то же время центров гугенотской торговли.

При своих широких интернаціональных связях изгоняемые еретики могли с большою безошибочностью избирать страны, которыя дали бы им убѣжище. Из Испаніи они направлялись во Францію, Нидерланды и Англію; каждая волна гоненій на гугенотов во Франціи и в особенности полная отмѣна Нантскаго эдикта вызывала массовое бѣгство еретиков в Голландію, Англію, Швейцарію и Бранденбург (основное ядро

---

¹⁾ Уже Нантскій эдикт 1598 г. сам по себѣ проводил „черту осѣдлости“ гугенотов; во всяком случаѣ, он приобрѣлъ такое значеніе благодаря позднѣйшим ограничительным истолкованіям, подготовлявшим отмѣну эдикта (1685 г.), равносильную изгнанію гугенотов из Франціи.

будущей Пруссіи). Насколько крупное значеніе имѣла эта эмиграція, — направлявшаяся, в противоположность современной, из промышленно передовых в промышленно отсталыя страны, — показывает тот, напр., фактъ, что один Бранденбург пріютил около 200.000 гутенотов¹⁾.

С еретиками иммигрировали в новыя страны пріобрѣтенныя в ряду поколѣній промышленное искусство, промышленныя навыки и коммерческій опытъ вмѣстѣ с широкими торговыми связями. Таким образом исторія религиозныхъ гоненій стала одновременно исторіей распространенія по Европѣ высшихъ формъ промышленности и торговли.

Спасаясь послѣднимъ бѣгствомъ отъ погромовъ и в лучшемъ случаѣ получая на сборы такое короткое время, что нечего было и думать о правильной ликвидаціи дѣл, тысячи бѣженцевъ являлись в новыя страны полными нищими. Для жилья на первое время имъ предоставлялись тамъ пустующія казармы и специально построенные бараки. Здѣсь скоро возникали разнороднѣйшія мастерскія отъ ювелирныхъ, парчевыхъ, тонкихъ ткацкихъ, до парусныхъ и грубокузнечныхъ включительно. В мучительныхъ поискахъ за пропитаніемъ на чужбинѣ, бѣженцы послѣ ряда опытовъ останавливались, наконецъ, на производствѣ предметовъ, которые находили наиболѣе обезпеченный сбытъ, слѣдовательно, на отрасляхъ, болѣе или менѣе новыхъ для пріютившей ихъ страны. Благодаря большой внутренней сплоченности, порожденной общностью культуры и страданій, они быстро становились на ноги, оставляли временный пріютъ и устраивали собственныя мастерскія.

В эмигрантскихъ пріютахъ новыя отрасли производства иногда совершенно естественно принимали форму мануфактуры в узкомъ значеніи этого слова: форму соединенія в общемъ помѣщеніи цѣлаго ряда работниковъ, изъ которыхъ каждый производитъ составную часть полнаго продукта (одинъ производитъ бусы, другой нитку для нихъ, третій нанизываетъ бусы на нитку) или выполняетъ одну изъ частичныхъ операцій, составляющихъ в своей совокупности процессъ производства продукта (одинъ разматываетъ шелковичныя коконы, другой сучитъ шелкъ, третій окрашиваетъ и т. д.). Но дальнѣйшая судьба большинства новыхъ производствъ показала, что такое соединеніе обуславливалось не столько ихъ техническими особенностями, сколько случайными обстоятельствами эмигрантской судьбы.

Конечно, у инициаторовъ новыхъ производствъ, у бѣженцевъ и у ихъ покровителей, сувереновъ, во многихъ случаяхъ были серьезныя основанія предпочесть соединеніе частичныхъ работниковъ в одномъ помѣщеніи ихъ

¹⁾ Огромное относительное значеніе этой цифры будетъ ясно, если указать, что къ половинѣ XVIII вѣка общая численность населенія всѣхъ прусскихъ провинцій (за исключеніемъ Силесіи) составляла 2.313.000.

разбѣннѣ по собственнымъ мастерскимъ и жилищамъ¹⁾. Поэтому въ XVI—XVIII вѣкахъ во многихъ мѣстахъ принимаются разнообразныя мѣры съ той цѣлью, чтобы удерживать обученныхъ работниковъ въ мануфактурахъ: съ одной стороны, повышается ихъ оплата по сравненію съ кустарями; съ другой—обрушиваются суровыя репрессіи, до военныхъ „успокоеній“ включительно, на отказывающихся работать въ помѣщеніяхъ хозяина подъ его постояннымъ контролемъ.

Но во многихъ производствахъ объединеніе работниковъ удерживалось только какъ принудительное объединеніе: только какъ особаго рода работный домъ, обслуживаемый людьми, отданными въ работу судебною или полицейскою властью (на Западѣ), или какъ одна изъ формъ крѣпостнической мануфактуры, обслуживаемой собственными крѣпостными предпринимателями, крѣпостными, заарендованными у помѣщика, наконецъ, крѣпостными, предоставленными государствомъ (итальянскія мануфактуры въ средневѣковомъ Левантѣ, русскія вотчинныя фабрики и посессионныя заводы XVII—XIX вѣковъ). Оставались ли новыя отрасли въ городѣ, или же онѣ, что часто бывало, вынуждались безконечною придирчивостію цеховыхъ ремесленниковъ переселиться въ деревню,—и въ томъ и въ другомъ случаяхъ мануфактура оказывалась только временной организаціей, слу-

¹⁾ На первомъ планѣ стоитъ опасеніе за угайку сырого матеріала,—совершенно основательныя, какъ еще 30—40 лѣтъ тому назадъ можно было убѣдиться на русской шелковой кустарной промышленности. Хозяинчикъ пускался на всякія махинаціи,—напр., отпуская отсырѣвшую пряжу,—чтобы урѣзать заработокъ кустаря вычетами за мнимую растрату матеріала. Однако и кустарь съ теченіемъ времени научался не только обороняться такими же махинаціями, но и переходить въ наступленіе: заматывать въ такъ называемую „рвань“ вмѣсто обрывковъ шелка песокъ, тряпье и т. д., увеличивать все шелка очень немудрыми, но легко поддающимися контролю операціями. Въ концѣ-концовъ кустарная промышленность превращалась въ сферу простодушнаго взаимнаго надувательства, которое по мѣрѣ возможности напередъ учитывалось обѣими сторонами и, не принося въ конечномъ счетѣ ни одной изъ нихъ прочной выгоды, вело къ рѣшительному ухудшенію качества продукта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—особенно въ тѣхъ, гдѣ примѣнялся дорогой сырой матеріалъ (шелковое, парчевое, кружевное производства),—и для прошлыхъ столѣтій можно прослѣдить, какъ кустарная организація промышленности превращалась въ тормозъ промышленнаго развитія. Въ настоящее время аналогичныя явленія развѣтываются въ области хлѣботорговли: русскій крестьянскій хлѣбъ стяжалъ широкую извѣстность въ качествѣ не только высоко засореннаго хлѣба, но и преднамѣренно засоряемаго и крестьянами, и прасолами-скупщиками, соответствующими хозяинчикамъ по своимъ экономическимъ функціямъ. Другимъ, и тоже очень существеннымъ, основаніемъ стремиться къ сохраненію мануфактурной организаціи было желаніе оберечь „тайну“ производственныхъ методовъ,—обычно столь простыхъ и такъ легко воспроизводимыхъ, что только искусственными мѣрами могли временно задержать ихъ широкое распространеніе.

жила в первую очередь только школой нового промышленного искусства. И в городѣ, и в деревнѣ инициаторы новых отраслей находили только таких производителей, которые в длинном ряду поколѣній срослись с отношеніями мелко-буржуазнаго раз'единеннаго, индивидуальнаго, самое большее семейнаго производства, и которые всѣми силами отстаивали эту форму, пока техническія условія давали хоть какую-нибудь возможность ея сохраненія. Поэтому, напр., в Россіи XVIII вѣка предпринимательскій „рабочій вопрос“, т.-е. вопрос о привлеченіи „рабочих рук“ к промышленному производству, иногда пріобрѣтал острую форму в горном дѣлѣ, которое уже тогда требовало довольно сложнаго оборудованія и могло вестись лишь в крупно-производственных формах. В текстильной промышленности он сравнительно мало давал знать о себѣ, но только потому, что здѣсь капиталисту приходилось в концѣ-концов примиряться с разсѣяніем промышленности по крестьянским избам.

Еще в XVIII и почти до половины XIX вѣка слово „мануфактура“ у нас и на Западѣ употреблялось не только в указанном выше узком значеніи, но и в том болѣе широком, когда оно является синонимом промышленнаго производства вообще, независимо от форм его организаци. С теченіем времени выработалось только то ограниченіе, что „мануфактура“ становится преимущественным названіем текстильнаго производства, в особенности хлопчато-бумажнаго, которое выдвигается на первый план среди новых отраслей промышленности¹⁾.

Несомнѣнно, мануфактура в узком значеніи слова исторически сыграла очень крупную роль, но для многих отраслей промышленности она имѣла большое значеніе исключительно как „учебная“, или „показательная“ мастерская: она не только вводила новыя производства, но и демонстрировала на практикѣ, какія великія силы таятся в болѣе рѣшительном и дробном раздѣленіи производственных операций, чѣм традиціонное ремесленное их раздѣленіе. Этим и об'ясняется то глубокое впечатлѣніе, которое централизованная мануфактура при своем появленіи производила на современников (Фергюсон, А. Смит; для XVII и отчасти даже XVI вѣка см. у Эшли: „Экономическая исторія Англіи“, стр. 502—508, 530—531). Но она вовсе не была преобладающей и даже просто видной формой промышленности, в особенности текстильной, в значительной степени и так называемой мелкой металлургической (производство кос, ножей, замков, гвоздей и проч.). Капитал еще был не в силах непосредственно подчинить себѣ общество, преобладающе мелко-

¹⁾ Такое традиціонное словоупотребленіе сохраняется до настоящаго времени, хотя мануфактурная организациа здѣсь давно отошла в прошлое. Говорят, напр., „на ярмаркѣ бойко торговали мануфактурой“, и разумѣют под этим торговлю миткалем, ситцем и проч.

буржуазное по своему производственному строю: не мог подчинить его таким образом, что он объединил бы производителей в одной мастерской, под своим постоянным контролем. Но капитал подчинял его себе косвенно, дѣлая все болѣе невозможным существованіе мелкаго производителя, отрѣшеннаго от капиталистически организованныхъ связей с другими мелкими производителями, такими же частичными работниками, как и он, от капиталистически-концентрированныхъ формъ сбыта готовыхъ и наполовину готовыхъ продуктовъ (фабрикатовъ и полуфабрикатовъ) и от такихъ же формъ приобрѣтенія сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ.

Все это необходимо имѣть в виду, когда идетъ рѣчь о „мануфактурахъ“ XVI—XVIII столѣтій. В промышленномъ предпринимателѣ того времени торговецъ, купецъ, какъ общее правило, бралъ перевѣс надъ мануфактуристомъ. Контора, средоточіе его дѣятельности, была не столько мануфактурной, сколько раздаточной конторой: работники, разбѣянные по окрестностямъ, в значительной степени крестьяне, из нея брали сырой матеріалъ и в нее же сдавали готовый продуктъ. Тѣ цифры, которыя говорятъ о числѣ „рукъ“, работавшихъ в указанныя столѣтія на того или иного предпринимателя (или „мануфактуриста“), сами по себѣ еще не характеризуютъ внутренней организаціи соответствующихъ отраслей промышленности. Такъ, напр., в ліонской шелковой промышленности XVIII вѣка на одного предпринимателя приходилось по 20—30 ткацкихъ станковъ, по 8—14 мастеровъ и по 35—50 работниковъ разнообразныхъ категорій. В сѣданской промышленности того же столѣтія на 25 предпринимателей работало будто бы болѣе 10.000 человекъ. В Нотингемѣ половины того же столѣтія на 50 предпринимателей приходилось 1.200 чулочныхъ-вязальныхъ станковъ. Иностранцы путешественники по Россіи конца того же столѣтія находятъ в ней суконныя, полотняныя и даже шелковыя мануфактуры с 500—1000 и даже 2.500 рабочихъ. Всѣ данныя этого рода непосредственно свидѣтельствуютъ какъ-будто о значительной технической концентрации текстильной промышленности уже в XVIII вѣкѣ. Однако для большинства случаев, когда наблюдатели, не ограничиваясь суммарными данными, подробнѣе описываютъ строй промышленныхъ отношеній, оказывается, что работники, занятые в собственныхъ помѣщеніяхъ предпринимателя, составляютъ лишь ничтожную часть общаго количества работающихъ на него: на сотни кустарей, работавшихъ у себя на дому, приходилась всего пара-другая десятковъ наемныхъ рабочихъ, работавшихъ в его собственной мануфактурѣ.

Русская шелковая промышленность 70-х годовъ прошлаго вѣка все еще могла дать нѣкоторое представленіе об отношеніяхъ в такъ называемой „мануфактурной“ промышленности XVI—XVIII столѣтій. Здѣсь встрѣчались крупнѣйшія фирмы с ежегодными оборотами во много

сотен тысяч рублей, и всего лишь с несколькими десятками наемных рабочих. Труд последних применялся преимущественно в красильных и алпретурных операциях, требующих сравнительно сложного технического оборудования. Размотка же шелка и ткацкие операции производились по собственным избам многих сотен окрестных крестьян-кустарей¹⁾. Правда, повышенными расценками и проч. предприниматель старался привлечь в свои собственные мастерские несколько десятков ткачей, сновальщиков и размотчиков (или размотчиц); но не потому, что такая концентрация представляла какие-либо существенные технические преимущества, а потому главным образом, что работа наемных рабочих, находящихся под его постоянным контролем, давала ему необходимые критерии для установления известных норм в отношениях с кустарями (расценки, браковка, определение неизбежной утраты сырого материала и т. д.). Мануфактурная в узком значении этого слова, первоначально „показательная мастерская“, превращалась здесь в „контрольную мастерскую“. Значит, той основной технической формой, которая задавала тон в области промышленных отношений, была здесь не эта мануфактура, не крупное производство, а мелкая мастерская или изба кустаря, которая технически представляет лишь небольшой шаг вперед от ремесленной мастерской.

Таким образом мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Она „как экономический кунштук, возвышалась на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности“ (Маркс). О „мануфактурном периоде“ экономического развития можно говорить лишь в том смысле, что мануфактура в свое время служила колыбелью новых отраслей производства, давала первоначальные образцы новых форм расчленения производственных операций и была господствующей, почти единственной формой капиталистической промышленности, т. е. промышленности, построенной на труде наемных рабочих. Но не было такого периода, когда централизованной мануфактуре принадлежало бы господство в промышленности вообще.

¹⁾ Впрочем, не только „окрестных“. Так, на некоторые московские фирмы работали кустари, живущие на границе Владимирской и Московской губерний, т. е. в 60—90 верстах от Москвы. В таких случаях оказывались необходимыми „мастерки“, — посредники между московской фирмой и местными кустарями. История этой особой профессиональной группы ничем не отличается от истории ремесленных мастеров. Громадная часть их пролетаризовалась под давлением московского торгового капитала, немногие развились в самостоятельных промышленников-предпринимателей.